

Заметив, что Линь Жань молчит, Сюй Цичэнь вполне серьёзно пояснил:

— У тебя тигриный клык. Очень острый.

— В тот момент желудок так прихватило, что я и не заметил, как прикусил язык. А потом ещё острого наелся... Вот всё и воспалилось, — Сюй Цичэнь смущённо поджал губы. — Третий день уже болит...

Линь Жань лишь тяжело вздохнул, поднялся и молча ушёл.

«Э-э? И это всё? Взял и ушёл?»

Сюй Цичэнь мысленно пожаловался:

«0901, ну и где его совесть?»

В голосе системы 0901 прозвучала искренняя скорбь:

[Господин Сюй, вы уже не тот, что прежде. Вы научились капризничать и кокетничать.]

«Ничего подобного. Не болтай глупостей».

Снова оставшись в одиночестве, Сюй Цичэнь подобрал оставленные Линь Жанем пакеты со сладостями, переложил их в большую подарочную сумку к фанатским письмам, а затем взял ручку со сценарием и уселся на табурет — делать пометки и заучивать текст.

Съёмки в Ницце подходили к концу. Через пару дней группа возвращалась в Китай, чтобы приступить к сценам воссоединения героев. Эти два блока кардинально отличались — и по эмоциональному накалу, и по стилистике, поэтому Цичэнь ловил каждую свободную минуту, чтобы вжиться в роль и прочувствовать своего персонажа.

Вдумчиво разобрав очередную страницу, Сюй Цичэнь почувствовал ломоту в затекшей шее. Он запрокинул голову, чтобы размяться, и тут же столкнулся взглядом со шедшим навстречу Линь Жанем.

«Ой? Вернулся?»

Придерживая шею ладонью, Цичэнь недоуменно хлопал глазами. Линь Жань подошёл, решительно опустил на корточки и, обхватив его подбородок пальцами, без лишних предисловий велел:

— Открой рот.

Понимая, что сопротивляться бесполезно — всё равно заставит, — Цичэнь послушно приоткрыл рот.

— Чего язык спрятал? Высунь.

Цичэнь послушно высунул кончик языка.

Линь Жань достал откуда-то небольшой спрей, встряхнул баллончик и направил дозатор прямо на воспалённую ранку.

Пшик!

Острая боль вперемешку с въедливой горечью заставила Сюй Цичэня мгновенно втянуть язык обратно.

— Горько-то как!

Линь Жань вложил флакон ему в ладонь:

— Это лекарство, оно и должно быть горьким. Брызгай каждый день, тогда быстро заживёт.

— Ладно, — Сюй Цичэнь убрал спрей в сумочку возле табурета. — А где ты его достал?

— В аптечке в своём трейлере.

Сюй Цичэнь удивлённо вскинул брови:

— А откуда в твоей аптечке средство от стоматита?

Выражение лица Линь Жаня явно выдавало неохоту отвечать, но Цичэнь уставился на него не моргая. Актеру ничего не оставалось, кроме как вздохнуть:

— Из-за этого самого клыка. Он слишком острый, я постоянно прикусываю щеку или язык, так что это средство всегда со мной.

— Понятно.

Ему ужасно хотелось рассмеяться, но широкая улыбка отозвалась бы болью, поэтому он лишь сдержанно ухмыльнулся, сжав губы:

— Тогда будь осторожнее впредь.

Глядя на его наивную физиономию, Линь Жань почувствовал, как в груди сладко зачесалось.

— Угу, — уголки его губ поползли вверх. Протянув руку, он слегка щипнул Цичэня за щеку и, выделяя каждое слово, добавил: — Во время предстоящих сцен с поцелуями я буду предельно осторожен.

Опять.

В груди снова вспыхнуло то самое странное, неловкое чувство.

«Сделай вид, что страшно занят!»

— Ой, меня же помощник режиссёра искал! Чуть не забыл, я пойду! — Сюй Цичэнь подскочил с табурета, подхватил свою подарочную сумку и сбежал.

Вторая половина дня прошла в непрерывных съёмках. К ужину Сюй Цичэнь, почти ничего не евший из-за язвочки во рту, был голоден как волк. Съёмочная группа подобралась заботливая: поначалу заказывали местную французскую еду, но актеры и группа быстро от нее устали, поэтому продюсеры наняли китайского повара, который ездил вместе с ними.

В сегодняшнем меню оказались его любимые блюда: острая курица с перцем и тушёные креветки.

Вообще-то полагалось обедать в машине, но Сюй Цичэню показалось, что внутри слишком душно. Устроившись в тени раскидистого дерева и опершись спиной о ствол, он только собрался разломать одноразовые палочки, как рядом кто-то бесцеремонно опустился.

— Подвинься, на солнце печёт.

Линь Жань бесцеремонно втиснулся рядом.

Сколько дней шли съёмки, Сюй Цичэнь всегда ел в одиночестве. Озадаченно взглянув на непрошеного гостя, он не стал задавать вопросов и уткнулся в контейнер, освобождая палочки от упаковки.

Кто же знал, что этот парень припёрся вовсе не для того, чтобы просто разделить с ним трапезу.

Линь Жань недолго думая сгрёб стоящие перед Цичэнем коробочки с креветками и острой курицей и передвинул к себе, а взамен подсунул свой набор из бланшированных овощей и нарезанных фруктов.

— Держи, — скользнув по нему коротким взглядом, скомандовал Линь Жань. — Ешь давай.

Сюй Цичэнь устался на виновника этого произвола, едва сдерживая желание высказать ему всё, что думает.

Наглец забрал себе две порции мясных деликатесов, оставив ему траву да яблоки!

— Чтобы всё съел, до последнего кусочка.

Сюй Цичэнь словно в отместку заталкивал в рот соцветия брокколи, но случайно задел ранку и сдавленно зашипел от боли.

— Вот-вот, со своим языком он ещё на острое заглядывается, — фыркнул Линь Жань.

Сюй Цичэнь промолчал, продолжая без энтузиазма пережёвывать пресные овощи. Искоса взглянув на Линь Жана, он заметил, что тот, хоть и сгрёб обе порции острой курицы, за всё время не притронулся к ним ни разу — только съел пару креветок и потихоньку ковырял рис.

— Если курицу не будешь, верни.

Услышав этот обиженный бубнеж, Линь Жань воспротивился:

— Кто сказал, что не буду?

И с этими словами отправил в рот увесистый кусок острой курицы.

Цичэнь поджал губы, но тут же уловил тихое, едва слышное шипение рядом. Обернувшись, он увидел, как на лбу Линь Жана проступила мелкая испарина, заблестевшая на солнце.

Сюй Цичэня осенуло. Он вспомнил характеристики персонажа и самого актера.

Линь Жань же вообще не выносил острого!

Едва сдерживая смех, Цичэнь достал из-за спины бутылку газировки и протянул ему.

Линь Жань жадно припал к горлышку, сделал несколько больших глотков и сердито метнул в Цичэня взгляд:

— Что уставился? Даже если я не смогу это доесть, тебе всё равно ничего не перепадёт. Ближайшие дни сидишь на диетическом.

— Понял.

— Никаких сладостей и снэков. Пить больше воды.

— Понял-понял.

Покончив с обедом в полном молчании, Линь Жань собрался уходить. Однако стоило ему подняться, как Сюй Цичэнь вцепился пальцами в край его куртки.

Обернувшись, Линь Жань увидел, как Цичэнь выуживает из кармана заветный спрей.

— Я сам через зеркало никак попасть не могу... Пшикни мне, пожалуйста.

Линь Жань оцепенел. Даже такой эмоционально глуховатый человек, как Сюй Цичэнь, отчетливо уловил в его поведении секундное замешательство и растерянность.

«Я что-то не то сказал?» — промелькнуло в голове у Цичэня.

Линь Жань снова опустился на траву и встряхнул баллончик. Сюй Цичэнь, не ждя дополнительных команд, послушно приоткрыл рот; кончик его розового языка едва заметно дрожал.

Рука Линь Жаня с зажатым в ней спреем замерла в воздухе.

Эта картина выглядела слишком... двусмысленно.

Прогнав прочь неуместные мысли, Линь Жань нажал на клапан. Рот Сюй Цичэня снова наполнила вёдливая горечь.

— Спасибо.

Флакон полетел обратно к нему в руки. Цичэнь озадаченно нахмурился. Почему ему кажется,

что Линь Жань за эти дни стал совсем другим — не таким, как в момент их первой встречи?

Было в нём что-то неуловимо знакомое.

Первое время Ницца казалась Сюй Цичэню чужой: слепящее, до судорог яркое солнце, душный зной и вездесущий запах соли и моря. Но то ли из-за бешеного съёмочного ритма, то ли из-за внутреннего восприятия, дни в Ницце пронеслись как одно мгновение.

Завтра они возвращаются на родину.

А значит, самая светлая и безмятежная часть их истории подошла к концу.

Мысли о предстоящих сценах отзывались лёгкой грустью. Вероятно, сказывалось отсутствие профессионального актёрского опыта — Цичэню пока с трудом удавалось проводить грань между собственными чувствами и переживаниями героя.

Ночная съёмка завершилась поздно, в отель они вернулись ближе к десяти вечера. Учитывая утренний перелёт, Сюй Цичэнь быстро принял душ и улёгся спать.

Провалившись в полузабытьё, он увидел сон.

Очертания предметов расплывались, но сквозь пелену доносился гул утренней самоподготовки в классе, перемежающийся смехом и шуточками одноклассников.

Один голос, звучавший за его спиной, выделялся особенно отчётливо — самый звонкий и чистый среди всего этого хаоса.

Сюй Цичэнь почувствовал лёгкий тычок в спину.

Ему безумно захотелось обернуться.

Узнать, кто же сидит позади него.

Резкая трель звонка бесцеремонно разрежала тишину.

Сюй Цичэнь распахнул глаза. Комнату затопляла непроглядная тьма, и лишь экран лежавшего на тумбочке телефона пульсировал ярким светом, заходясь непрерывной трелью.

Смахнув остатки сна, он взял трубку и, прищурившись, посмотрел на дисплей.

Звонил Линь Жань.

— Алло...

Услышав этот сонный, мягкий и едва разборчивый шорох, Линь Жань не удержался от тихого смешка.

Разбуженный Сюй Цичэнь, конечно, не понял причину его веселья, но, обладая кротким нравом, сердиться не стал. Отодвинув телефон, он посмотрел на время — три часа десять минут ночи, — после чего снова прижал трубку к уху:

— Что-то случилось?.. Или ты номером ошибся?..

— Я внизу, у бассейна.

— А-а, — отозвался Цичэнь. — И что?

— Спускайся ко мне.

Сюй Цичэнь опешил:

— Зачем?..

Кондиционер работал на полную мощность, и Цичэнь плотнее закутался в одеяло.

— Я спать хочу, глаза слипаются.

— Спустись, пожалуйста.

В голосе Линь Жана промелькнула едва уловимая просящая интонация.

Сюй Цичэнь недолго помолчал, чуть отстранил телефон, беззвучно вздохнул и с трудом заставил себя выбраться из-под тёплого одеяла.

— Ладно... Подожди немного.